

Политические институты, процессы, технологии

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-5-16

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЭТНОКОНТАКТНОСТИ И КОНФЛИКТОГЕННОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И. Ю. Окунев, А. Д. Любимова, Е. А. Якушева

Окунев Игорь Юрьевич, кандидат политических наук, директор Центра пространственного анализа международных отношений,

Институт международных исследований МГИМО МИД РФ, Москва, Россия.

E-mail: iokunev@mgimo.ru (ORCID: 0000-0003-3292-9829. ResearcherID: E-4038-2012).

Любимова Анастасия Дмитриевна, стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений,

Институт международных исследований МГИМО МИД РФ, Москва, Россия.

E-mail: a.luibimova@inno.mgimo.ru (ORCID: 0009-0009-5858-4161. ResearcherID: GOK-2129-2022).

Якушева Екатерина Андреевна, стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений,

Институт международных исследований МГИМО МИД РФ, Москва, Россия.

E-mail: e.iakusheva@inno.mgimo.ru (ORCID: 0009-0003-2907-0301. ResearcherID: JQJ-2262-2023).

Аннотация

В этнополитологии получил распространение тезис о наличии прямой зависимости между этнической мозаичностью и частотой возникновения конфликтов. Постсоветское пространство характеризуется сложной этнической структурой и наличием высокого конфликтного потенциала. Для проверки гипотезы был построен ряд корреляционных моделей, где в качестве переменных были взяты: математическая сумма конфликтов за период с 1992-2020 гг. на основе данных проекта Гейдельбергского института “Conflict Barometer”; единицы административно-территориального деления второго уровня (с целью корректного расчета эффекта соседства - в масштабах всего региона и отдельно взятых стран поочередно); процент доминантного этноса по переписи населения. Построение пространственной корреляционной модели позволило приблизиться к ответу на вопрос, связан ли этнический фактор с возникновением конфликтов на постсоветском пространстве и значим ли для данного феномена эффект соседства на разных территориальных уровнях. Интерпретация полученных результатов на основе первоначальных границ исследования не позволяет говорить о наличии статистически значимого коэффициента корреляции. Более высокий уровень зависимости между переменными наблюдается при изменении границ выборки, а именно в субъектах со средним уровнем конфликтов при рассмотрении всего региона Центральной Азии. Таким образом, зависимость между этноконтактностью и конфликтностью, выраженная здесь коэффициентом корреляции, является нелинейной.

Ключевые слова: постсоветское пространство; этническая идентичность; этнические группы; этничность; этнополитика; конфликтный потенциал.

Было бы ошибочным утверждать, что в научном дискурсе совсем нельзя встретить не только тезис об этническом детерминизме (Регулирование этнополитической..., 2017; Kaufmann & Naklai, 2008; Брубейкер, 2010), но и даже сами рассуждения о воздействии этноса, этнополитики и сопря-

женных аспектов на конфликтный потенциал, будь то эскалация или деэскалация каждого конкретного конфликта. Кроме того, в отношении постсоветского пространства вопрос об этнически «окрашенных» конфликтах, имеющих таковой подтекст или непосредственный повод к развитию, стоит достаточно остро, но отнюдь не в академической среде, за редким исключением (Колосов и Трейвиш, 1996).

Рассуждения о взаимосвязи этнокультурных аспектов и социальной напряженности можно встретить во многих трудах по этнополитологии. Например, Д. Горовиц приводит тезис о негативном воздействии этнического фактора на процесс решения социетальных проблем в разделенных обществах (Horowitz, 1985; Горовиц, 2007). Он также пишет о мобилизации этнокультурных ресурсов (язык, традиции) в процессах постколониального нациестроительства или на ранних этапах колониальной борьбы, приводя в пример случаи Шри-Ланки и Мьянмы. Это свидетельствует о признании за этничностью способности влиять на течение конфликта. Подробнее это было описано политологом и этнографом Б. Андерсоном на примере колониальной Индонезии (тогда голландской Ост-Индской компании), где он указывал на манипуляции с этнолигвистическими и этнокультурными категориями при проведении переписей, которые организовывались аффилированными с метрополией властями и «в пользу» последних же (Андерсон, 2016). Таким образом, в научном дискурсе есть мнение о способности этничности как явления воздействовать на социальную напряженность и конфликтный потенциал в обществе.

Несколько более радикальный тезис, а именно тезис о полиэтничности как детерминанте конфликта, встречается реже, в частности, в силу «чувствительности» этих категорий и потенциальной силы подобного утверждения. Д. Познер провел сравнительное исследование моделей поведения в отношении друг друга двух этнических групп – чева и тумбука, проживающих в Малави и Замбии (Posner, 2004). Очевидно, что условия их сосуществования разнятся вместе с территорией расселения, что, в свою очередь, по мнению автора, играет решающую роль в развитии конфликтных ситуаций. Причину эскалации существующих противоречий он видит в возрастании численности этноса в пропорции ко всему населению данной территории, то есть если речь идет о межэтническом внутреннем конфликте (гражданская война), то его эскалация до уровня вооруженного противостояния тем выше, чем больше по численности этнические группы, соотносимые с диадой конфликтующих. Если этнические группы внутри одной страны малочисленны, то существующие между ними противоречия не находят воплощения в политической плоскости [if the *cultural* cleavage defines groups that are too small... the cleavage will remain politically irrelevant]. Следуя этой логике, можно отметить, что мобилизационный потенциал малочисленных групп также существенно меньше.

Приведенная выше цитата означает присутствие в научном дискурсе точки зрения, связывающей конфликты или, по меньшей мере, конфликтный потенциал с социокультурным, иногда напрямую этническим фактором. Авторам работы представляется разумным подвергнуть этот тезис здравому научному скепсису и апробировать его состоятельность путем сведения к ряду гипотез и наложения на них определенного инструментария. Впоследствии, получив подтверждение или опровержение соответствующей гипотезы, сможем делать выводы об отдельных аспектах генезиса конфликтного потенциала на постсоветском пространстве, под чем подразумевается удельный вес этничности и ее аспектов в росте конфликтного потенциала (проверяемый тезис диктует необходимость изучения именно прямой зависимости) самого по себе, а также по отношению к его дисперсии в пространственной плоскости.

Принимая за нулевую гипотезу условное отсутствие связи между этническим однообразием и количеством конфликтов, то есть утверждение, что этноконтактность и конфликтность не коррелируют, выдвигаем несколько рабочих гипотез:

H1: Закономерной альтернативной гипотезой будет тезис о наличии корреляции между этноконтактностью и конфликтностью, где методом проверки состоятельности гипотезы будет являться выведенный показатель коэффициента Пирсона.

H2: Логичным выглядит развитие данной гипотезы, вне зависимости от ее состоятельности, в сторону поиска пространственных зависимостей как одного из возможных факторов, обладающих воздействием на конфликтный потенциал в каждом отдельно взятом субъекте: образуют ли субъекты с высоким процентом иноэтничного населения (то есть высокоэтноконтактные субъекты) кластеры или же в данном случае мы не можем наблюдать пространственную зависимость. Здесь будет применен локальный индекс Морана для одной переменной.

H3: Наконец, наблюдение данной взаимосвязи не будет полным, если оставить за рамками исследования рассмотрение коррелированности процента доминантного этноса и количества кон-

фликтов (интенсивности конфликта), однако уже на страновом уровне, что диктует повторное использование локального индекса Морана с измененной (по отношению к рабочей гипотезе H2) матрицей соседства.

Центральными для всего исследования понятиями являются этноконтактность и конфликтогенность. Под этноконтактностью мы будем понимать процент граждан, не относящих себя к доминирующему этносу (насколько об этом позволяет судить система проведения переписи населения). Это позволяет измерить, насколько этнически неоднородна эта территория. Приведем пример из базы данных по этноконфликтогенному потенциалу на постсоветском пространстве: показатель этноконтактности Адажского края, ранее бывшего в составе Рижского района, составляет 29,6 % (2020), а ранее, до членения Рижского района на более мелкие единицы АТД, этот показатель был равен 49,9 % (1989). В данном случае это означает, что в 2020 г. в Адажском крае проживало 29,6 % человек, не относящих себя к доминантному этносу (в случае Латвии – к латышам; соответственно нелатыши здесь – русские, литовцы и другие этносы), а в 1989 г. их число было выше (49,9 %).

Конфликтогенность связана с самим понятием конфликта. Конфликт может быть операционализирован по-разному: количественно (по числу жертв, по длительности и др.) или качественно (вооруженный / невооруженный, диалог конфликта и др.). В данной работе, однако, было принято решение следовать определению Гейдельбергского института, данному в проекте Conflict Barometer, и не проводить вторичную дифференциацию учтенных наблюдений по критерию «конфликт / неконфликт». Таким образом, были взяты все перечисленные в указанном проекте зафиксированные конфликты (высокой интенсивности) или конфликтные ситуации (меньшей интенсивности).

На стыке конфликтологии и этнополитологии исследователь найдет систематизированные формы, особенности целесообразного сочетания и нюансы общего плана в вопросах взаимодействия этнического и конфликтного. Примечательно, что перечисленное выше не всегда характеризует явления политической жизни «на местах» (непосредственное развитие и течение конфликтов), а может быть соотнесено с более вербальными феноменами – например, с перформативными актами (этнополитика) или конструированием этнической идентичности (Taylor, 1994). В соответствии с исследовательским вопросом данной работы целесообразным будет указать на типы поведения индивидов, отражающие их отношение к собственной или сопряженной (по линии «Мы / Другие») этнической идентичности: аффирмативный, конструктивный, индифферентный и деструктивный. Здесь нам в первую очередь интересно *аффирмативное* поведение (Weber & Hiers & Flesken, 2016). Данный тип поведения отличается широким спектром потенциальных последствий для общества: этнофор с аффирмативным поведением в отношении собственной этничности может как поддерживать ее сохранение, например, выступая носителем языка или принимая активное участие в продолжении значимых традиций, так и стать агентом экстенсивной экспансии его референтной этничности, выступая за подавление права «Других» на принадлежность к иной этнической группе или дискриминируя другой этнос, в том числе и прибегая к физическому насилию (Widlok, 2015; Тишков и Шабаев б.д).

Данная категоризация достаточно строга и не подразумевает «переходных» состояний; ряд исследователей отмечают фактическое наличие *гибридных* идентичностей (Малинова, 2015). Индийский исследователь Х. Бхабха пишет о явлении мимикрии среди граждан бывших метрополий. Оно также имело и обратную силу, то есть было характерным паттерном поведения и в колониальную эпоху, когда те соотносят себя с гражданами бывших колоний. Поведение, характеризующееся внешним, поверхностным заимствованием идентичности доминирующей социальной группы, создает расщепленную, *расколотую идентичность* (Bhabha, 1994).

Одним из направлений расширения исследования и продолжения дискуссии может стать более глубокое погружение в вопрос устойчивости этнической идентичности и поиск теоретизированной модели динамической, а не статической идентичности. Большее количество «полутонов», мыслимых делений на шкале идентичностной ориентации может быть реализовано в изучении процессов «этнического транзита», в целом угасания этнического элемента в идентичности субъекта или изменения этнической принадлежности, например, посредством межэтнических браков (Horowitz, 1985). Кроме того, определенное развитие конфликтной ситуации может изменить когнитивные и даже географические границы этносов, воздействовать на их самоопределение и положение относительно других этнических групп (Малинова, 2015), что создает ситуацию, близкую к рекурсии, то есть циклическим и взаимоконституирующим изменениям сути конфликта и рассматриваемого этноса. Отметим, что, признавая феномен *индексикальности* этничности, описанный П. В. Осколковым и несущий в себе идею адаптивности и изменчивости связанных с этничностью моделей поведения, равно как и тенденцию самой этнической идентичности меняться, авторы все

же принимают этническую идентичность в ее статике, что гносеологически делает возможным проведение математических расчетов.

Измерение уже имевших место конфликтных ситуаций представляет собой стремление операционализировать понятие конфликтности, что методологически выражается в шкалировании интенсивности каждой конфликтной ситуации и в количестве последних за отдельный промежуток времени. В данной работе конфликтность измерялась для каждого объекта наблюдения за период с 1992 по 2022 г. (причина выбора таких дат будет объяснена далее), отдельно за 1992–1999 и 1999–2022 гг., где для каждого года наблюдений объектам были присвоены баллы, обозначающие сумму интенсивности зафиксированных конфликтов.

Следует внести ясность в отношении эмпирической части работы, указав, что под постсоветским пространством авторы понимают территорию стран бывшего Советского Союза, а именно: Российской Федерации, Азербайджана, Армении, Республики Беларусь, Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Украины, Молдовы; а также государств с оспариваемой суверенностью: Абхазии, Приднестровья, Южной Осетии. Отдельно были выделены субрегионы: Прибалтика (Латвия, Литва, Эстония), Центральная Азия (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). В качестве единицы анализа были избраны административно-территориальные единицы первого уровня всех указанных стран постсоветского пространства, и использованные в расчетах показатели этноконтактности и конфликтности приводились в отношении каждого отдельно взятого региона. Таким образом, исследование проводилось на основании выборки в 311 объектов наблюдения, выборка охватила всю территорию бывшего СССР.

Смысловое наполнение понятий этноконтактности и конфликтности, описанное выше, определяет использование источников, максимально приближенных к наличию объективных данных (в той степени, в которой это возможно с учетом специфики предмета исследования в определенных регионах) – для этноконтактности, и источников, уже сформировавших базу данных с надежной методологией – для конфликтности. Авторы обращались к результатам национальных переписей населения, взятых из отчетов статистических ведомств, оцифрованных архивов (для переписи 1989 г.) соответствующих комитетов времен Советского Союза и иных источников в режиме открытого доступа. Данные по конфликтам были взяты из проекта Гейдельбергского института Conflict Barometer, в котором с 1992 г. ведутся наблюдения за динамикой конфликтов. Это обуславливает наличие временного разрыва между началом и концом временного промежутка измерения этноконтактности (1989, 2020) и конфликтности (1992, 2022).

Проверка гипотез была проведена посредством анализа первичных данных в геоинформационной системе GeoDa, где был выведен коэффициент корреляции Пирсона, проведена работа с матрицей соседства и рассмотрена справедливость тезиса о кластеризованности конфликтности в отдельных странах и макрорегионах постсоветского пространства через «призму» этноконтактности. При работе с коэффициентом корреляции учитывались статистические критерии: значения p-value, то есть рекомендуемая мера доверия к полученным результатам, критерий Стьюдента и иные способы сделать более надежными полученные при работе с количественными методами результаты (Bochsler et al., 2021). Авторы также учли данные нюансы при оценке зафиксированных показателей и анализе выведенных значений, что будет раскрыто отдельно при тестировании каждой гипотезы.

Важно указать на определенные изъяны математических методов в социальных науках, что вынуждает исследователей принять на веру ряд допущений о природе статистических выводов. Пять таких допущений совокупно также известны как условия Гаусса – Маркова. Нас в этой работе прежде всего интересует отсутствие автокорреляции ошибок ($\varepsilon_i \sim \varepsilon_j$), то есть тот факт, что значения по всей выборке, отклоняющиеся от рассчитанного нами в ходе вычисления коэффициента корреляции, таковы не из-за самого факта наличия отклонений по выборке. Для жизнеспособности гипотез и всей статистики крайне важно, чтобы ошибки, отклонения ожидаемого от реального, не становились членом функции, а именно объясняющей переменной, образуя тем самым множественную регрессию противоречивой природы.

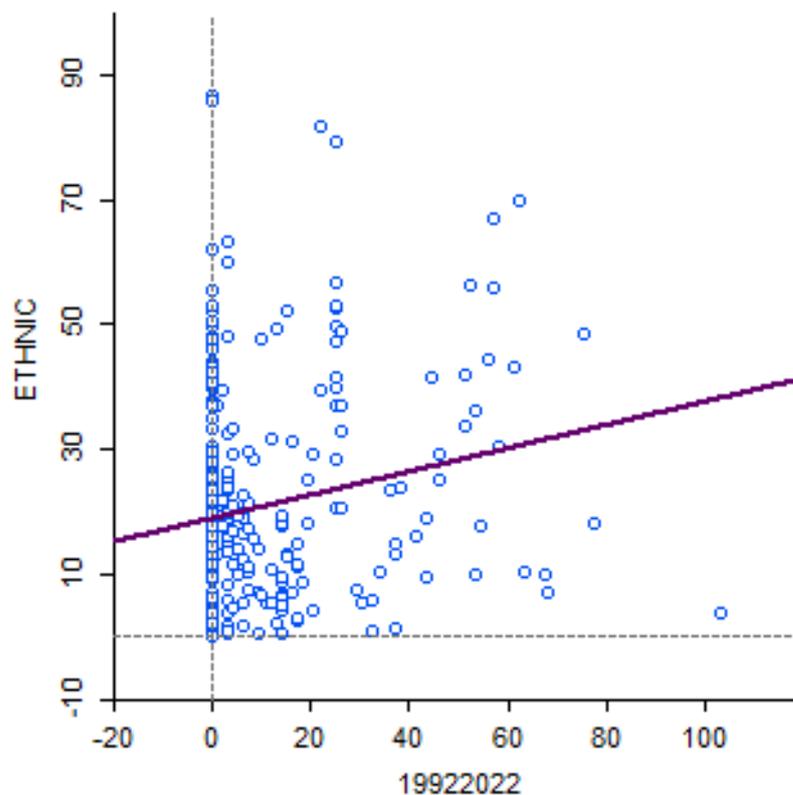
Позволим себе сразу обозначить, что будет являться зависимой (объясняемой) и независимой (объясняющей) переменной, что для всех рабочих гипотез будет неизменным, а также описать используемые матрицы соседства (для гипотез H2 и H3) и дать их обозначения:

- Y – конфликтность: сумма баллов конфликтности региона с 1992 по 2022 г. по барометру конфликтов Гейденбергского института изучения конфликтов (зависимая переменная);

- X – этноконтактность: доля населения, не относящая себя к доминирующему этносу региона (независимая переменная);
- ε – шаг статистической регрессионной ошибки (постоянная переменная);
- Wx – этноконтактность макрорегиона (пространственный лаг – средняя этноконтактность по соседям региона); под макрорегионом понимается регион и его соседи первого порядка; в силу ограничений в статистике рекомендуемый уровень анализа для постсоветского пространства: регионы первого порядка пятнадцати стран бывшего СССР;
- $W_c x$ – этноконтактность страны (пространственный лаг – средняя этноконтактность страны).

Поиск зависимости (и определение ее направленности) между этноконтактностью и конфликтогенностью был осуществлен посредством расчета коэффициента корреляции Пирсона через разницу между i -м значением переменной (значением переменной у каждого отдельного наблюдения) и ее средним арифметическим по выборке, деленную затем на среднеквадратическое отклонение переменной. Далее математическая сумма расчетов для обеих переменных (здесь – этноконтактности и конфликтогенности) делилась на число наблюдений во всей выборке:

$$r_{X,Y} = \frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{x_i - \bar{x}}{\sigma_x} \right) \left(\frac{y_i - \bar{y}}{\sigma_y} \right) / N}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}$$

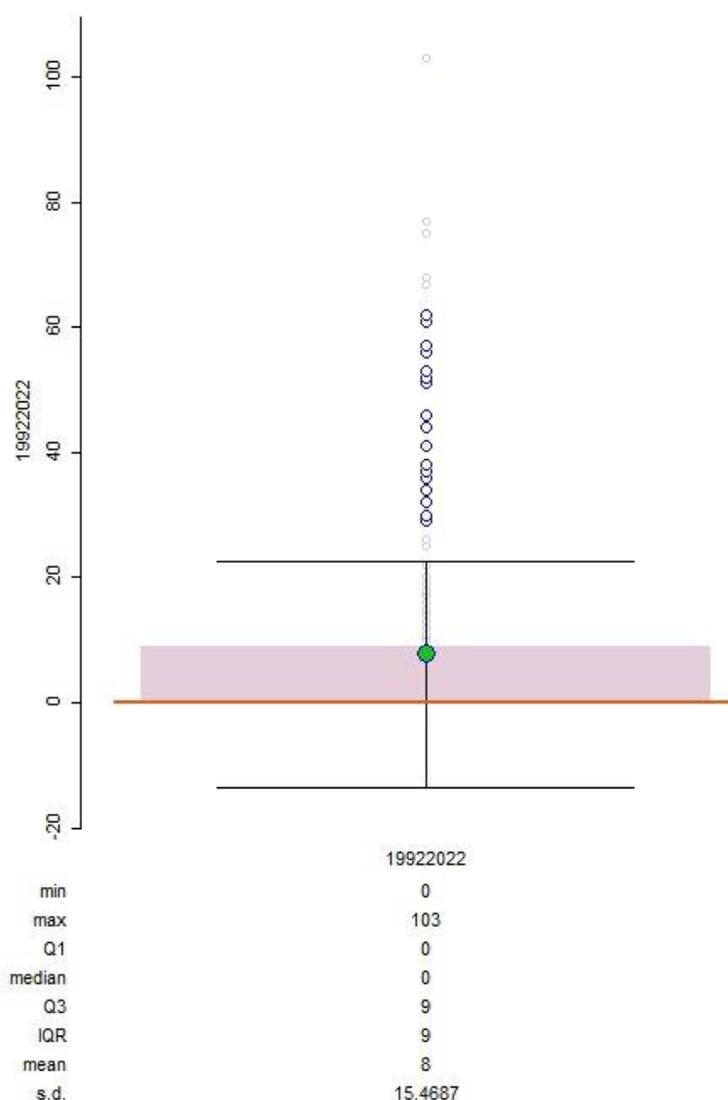

#obs	R^2	const a	std-err a	t-stat a	p-value a	slope b	std-err b	t-stat b	p-value b
311	0.035	19.144	1.081	17.709	0	0.187	0.056	3.338	0.001
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
311	0.035	19.144	1.081	17.709	0	0.187	0.056	3.338	0.001

Рис. 1. Коэффициент корреляции, рассчитанный для гипотезы H1, где y – этноконтактность, x – кумулятивная конфликтогенность

Диаграмма, представленная на рис. 1, показывает, что корреляция достаточно слабая, а само значение коэффициента не позволяет говорить о наличии статистически значимой зависимости: значение коэффициента корреляции составило $R^2 = 0,035$ (при p-value равной 0,001, что позволяет говорить о надежности полученных расчетов). Для социального исследования, будь то политология или социология, приемлемый показатель коэффициента корреляции составляет более 0,5; в таком случае был бы возможен статистический вывод о наличии взаимосвязи между рассматриваемыми объектами.

Однако здесь следует обратить внимание на качество или, вернее, характер имеющейся выборки, а именно разброс и концентрацию значений на оси Y, то есть показателя конфликтности. Целесообразным из этих соображений будет воспользоваться инструментами визуализации данных и прибегнуть к диаграмме размаха (box plot), откуда становится очевидной концентрация значений по ординате на самой линии и около нее, в первой четверти. Более того, видно, что медианным значением выборки также является ноль (рис. 2).

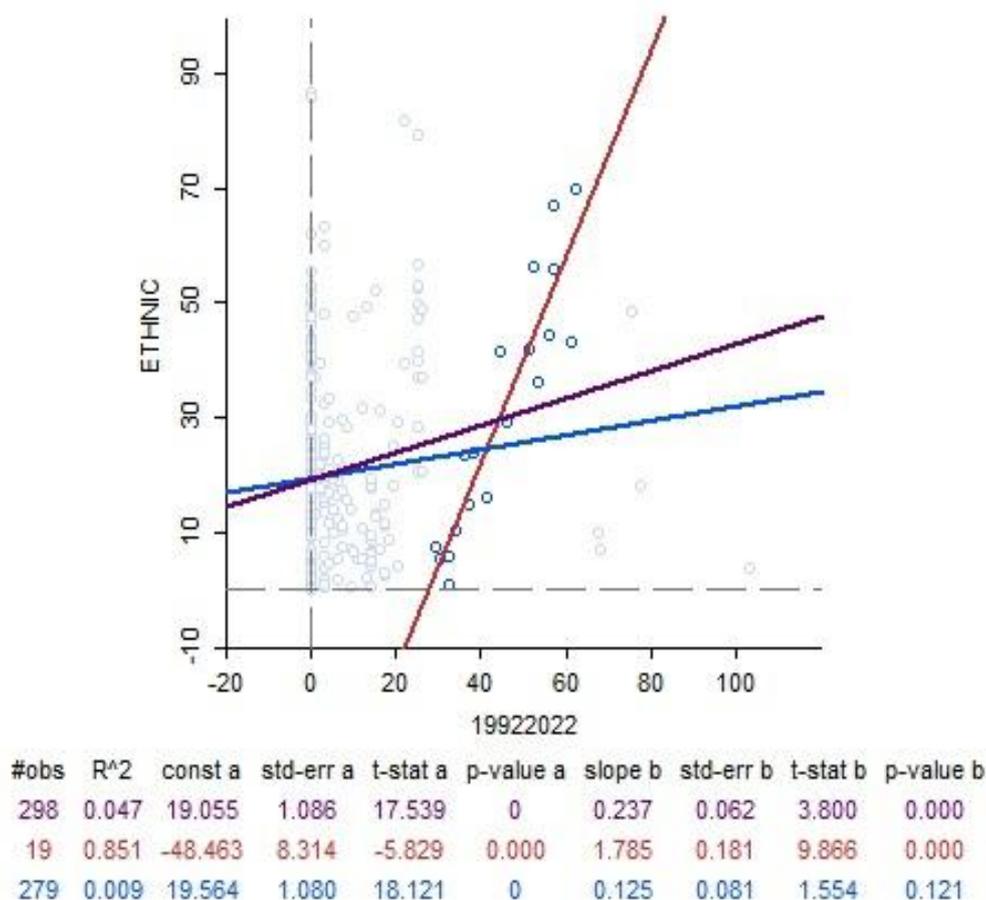

Рис. 2. Диаграмма размаха по показателю кумулятивной конфликтности для всей выборки

Таким образом, существенная часть наблюдений может быть охарактеризована как оказывающая негативное воздействие на репрезентативность выборки: в том случае, когда мы имеем большое количество показателей конфликтных баллов (конфликтность по барометру конфликтов), равных нулю, мы не можем в полной мере быть уверенными в состоятельности исследования – стоит усомниться в информативности данных о конфликтном потенциале по регионам, где его фактически не наблюдалось. Кроме того, для чистоты эксперимента следует исключить регионы-столицы (где таковые являются отдельной административной единицей), поскольку именно столич-

ные города являются абсолютным центром притяжения политических активистов и местом проведения протестов на политической почве, и именно оппозиционного характера. Это может быть объяснено символическим капиталом столицы как административного центра – стремление изменить политику будет возникать в местах силы, где данная политика утверждается и претворяется в жизнь, что, в свою очередь, не будет способствовать чистоте эксперимента, суть которого в исследовании не политически, а этнически окрашенных конфликтов.

В итоге количество объектов наблюдения (регионов) было решено снизить с 311 до 298, а регрессионный анализ ограничить лишь теми регионами, в которых наблюдается конфликт или конфликтный потенциал. За нижнюю границу возьмем тех, чей балл (значение поля «конфликтогенность») более 25, а за верхнюю – где балл менее 60. Как видно из регрессионной прямой для выборки в указанном диапазоне и полученного крайне высокого коэффициента корреляции Пирсона ($R^2 = 0,851$), для выбранных наблюдений характерна устойчивая прямая взаимосвязь между этноконтактностью региона и его конфликтогенностью (рис. 3).

Рис. 3. Регрессионная прямая, рассчитанная для части выборки, где x [25; 60], на основе коэффициента корреляции Пирсона для всей выборки

Примечательно, что в случае отсутствия «верхнего» потолка измерений, а именно в случае ограничения диапазона наблюдений только нижней границей (здесь более 25), когда вне фокуса остается порядка пяти наблюдений, значение коэффициента корреляции не так велико ($R^2 = 0,048$), что препятствует построению статистического вывода. Позволим себе обратить внимание на силу этих оставленных за рамками пяти наблюдений, что своим существованием меняют коэффициент корреляции практически в два раза: $R^2 = 0,047$ с ними и $R^2 = 0,851$ без них. Среди таких наблюдений мы видим, например, Чеченскую Республику, которая была поистине полиэтничной лишь раньше: до массового исхода беженцев с этой территории в результате военных действий. Действительно, в 1989 г. этноконтактность Чечни составляла 42,18 % (с учетом того, что до 1993 г. субъект был частью Чечено-Ингушской АССР), в то время как на 2020 г. всего 3,58 % не относили себя к титульному этносу.

Отметим, что все же нельзя однозначно принять или опровергнуть гипотезу о наличии статистически значимой корреляции между этноконтактностью и конфликтогенностью. На отдельном участке выборки удалось получить результат, который можно было бы трактовать как наличие сильной взаимосвязи между двумя явлениями, однако для всей неоднородной (что было продемонстрировано инструментами визуализации данных) выборки сделать такой вывод не представляется возможным.

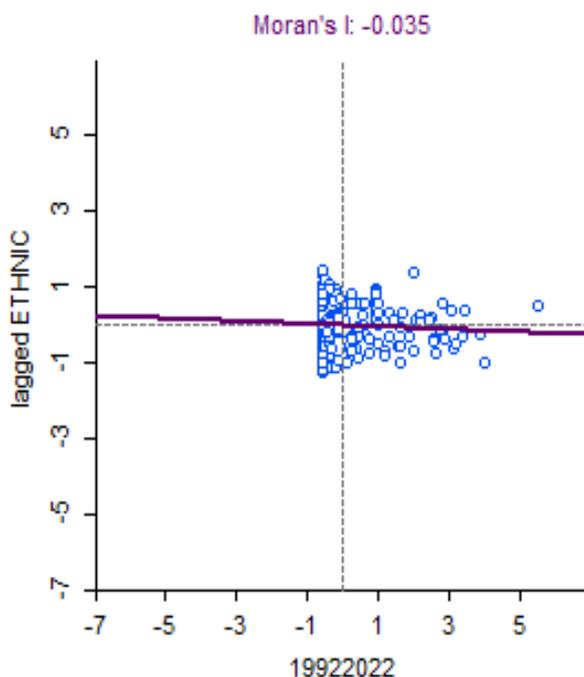
Кластеризация сущностно схожа с коэффициентом корреляции Пирсона, однако рассчитывается по другому показателю и с использованием изначально заданной, специфичной матрицы соседства. Явление кластеризации напрямую связано с локальным индексом пространственной автокорреляции Морана, что позволяет оценить вариативность пространственной неоднородности на региональном уровне.

Так, с учетом изменений среднего арифметического $\underline{y}$, отклонения от среднего арифметического $y_i - \underline{y}$ и дисперсии в знаменателе $\sum_{i=1}^n (-\underline{y})^2$ получаем формулу следующего вида:

$$I_{Y,X} = \frac{n}{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij}} \cdot \frac{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij} (y_i - \underline{x})(y_j - \underline{x})}{\sum_{i=1}^n (y_i - \underline{x})^2}$$

при $i \neq j$, где n – число пространственных объектов; y_i и y_j – значения показателя y соответственно для i -го и j -го объектов; $\underline{x}$ – среднее значение показателя; w_{ij} – пространственный вес соседства между i -м и j -м объектами; $\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij}$ – сумма всех пространственных весов.

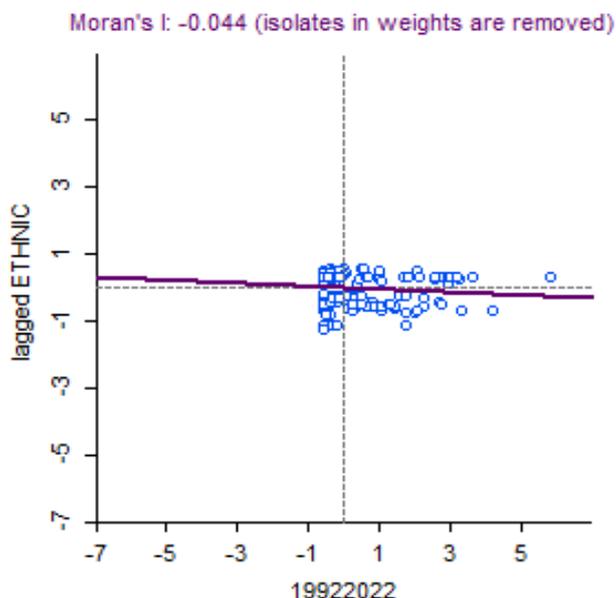
Анализ получившегося графика (рис. 4) приводит нас к выводу об отсутствии явления кластеризации конфликтогенности через призму этноконтактности. Кроме того, та слабая зависимость, что мы можем наблюдать, имеет обратный характер. Можно утверждать, что в этноконтактных макрорегионах (то есть единицах анализа АТД первого уровня и их соседях первого порядка) связи между процентом населения, не являющегося доминирующим этносом, и уровнем конфликтогенности не наблюдается.

Рис. 4. Индекс пространственной автокорреляции Морана, рассчитанный для макрорегионов

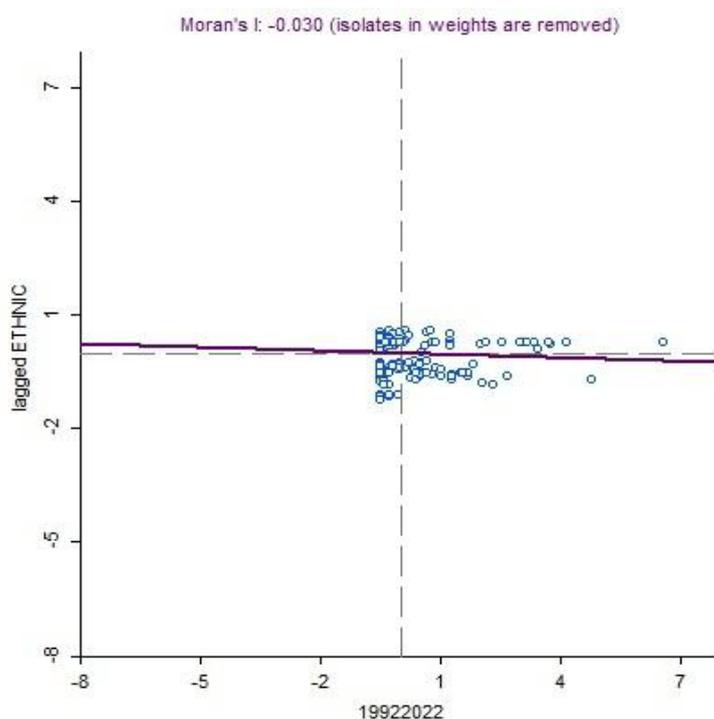
Рассмотрим родственную, но несколько иную по своей сути гипотезу о наличии зависимости между этнической неоднородностью и конфликтностью региона уже на уровне страны, а не географического соседства (то есть на уровне макрорегиона). Изменив формулу, а именно конфигурацию матрицы соседства, мы сможем рассчитать пространственную зависимость, где эффект соседства бу-

дет распространяться на все единицы АДД первого уровня для этой страны, а не на любые регионы, которые имеют общую физическую границу с референтным объектом, вне зависимости от административной принадлежности объектов наблюдения (рис. 5).

Рис. 5. Индекс пространственной автокорреляции Морана, рассчитанный для стран

Стоит отметить, что и в данном случае можно наблюдать примерно такую же ситуацию, что и при проверке предыдущей гипотезы: зависимость слабая и обратной направленности. Для большей логической целостности расчета следует исключить столицы в силу их особенной роли как центров притяжения политически мотивированных конфликтов (рис. 6). Это осуществимо посредством исключения столиц из шейп-файла, где они были выделены в отдельный регион страны. Тем не менее исключение столиц не принесло качественных изменений в результаты расчетов и лишь подтвердило, что данная гипотеза должна быть отвергнута.

Рис. 6. Индекс пространственной автокорреляции Морана, рассчитанный для стран. Столицы стран исключены из наблюдения

* * *

Подведем итоги проверки выдвинутых в начале исследования гипотез, которые были в определенной степени модифицированы в ходе работы. Гипотезы Н2 и Н3, касающиеся явления кластеризации и направленные на поиск пространственных закономерностей в зависимости от этнического аспекта, следует отвергнуть за их несостоятельность. Рассчитанный для обеих гипотез индекс Морана по двум переменным демонстрирует слабые значения. Экспериментальным путем было подтверждено, что даже за вычетом столиц корреляция все еще слаба. В отношении гипотезы Н1 делать категоричные выводы не приходится, поскольку, хотя коэффициент корреляции по всей выборке невысок, с изменением диапазона выборки в пользу более «умеренных» значений, а именно в диапазоне [25; 60], коэффициент корреляции выглядит более чем внушающим доверие. Это позволяет нам сделать вывод о справедливости гипотезы Н1 для случаев, представляющих «умеренную» часть выборки.

Таким образом, нет оснований говорить о детерминирующем характере этнического фактора в процессе развития различных конфликтных сценариев, то есть нельзя признать наличие сильной и прямой корреляции между этноконтактностью и конфликтогенностью. Вероятно, в таком случае существует какой-то иной существенный фактор, который в большей мере является детерминантой конфликта, либо комплекс факторов, которые кумулятивно приводят к эскалации конфликтной ситуации и реализации конфликтного потенциала. Ввиду этого предстоит продолжить исследование и поиск моделей множественной регрессии. Однако на данный момент можно утверждать, что на территории постсоветского пространства этноконтактность, в частности полиэтничность, не являются тем, что определяет наличие конфликтной ситуации или ее эскалацию в вооруженное столкновение. Иначе говоря, устойчивой связи (то есть способной быть подвергнутой проверке во всех диапазонах выборки) между полиэтничными регионами и регионами «конфликтными» не наблюдается.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта Псковского государственного университета № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность».

Список литературы / References

- Андерсон, Б. (2016) *Воображаемые сообщества*. Москва: Кучково поле. [Anderson, B. (2016) *Imagined Communities* [Voobrazhaemye soobshchestva] Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)].
- Барт, Ф. (2006) *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. Москва.: Новое издательство. [Barth, F. (2006) *Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences* [Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)].
- Брубейкер, Р. (2010) 'Национальные меньшинства, национализирующие государства и внешние национальные родственные государства в новой Европе' в: Э. Ян (ред.) *Национализм в поздней и посткоммунистической Европе*. (Т. 1). Москва: РОССПЭН. [Brubaker, R. (2010) 'National minorities, nationalizing states and external national sister states in the new Europe' [Natsional'nye men'shinstva, natsionaliziruyushchie gosudarstva i vneshnie natsional'nye rodstvennye gosudarstva v novoi Evrope] in: Jahn E. (eds.) (2010) *Nationalism in Late and Post-Communist Europe* [Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope] Vol. 1. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)].
- Брубейкер, Р. (2012) *Этничность без групп*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. [Brubaker, R. (2012) *Ethnicity without groups* [Etnichnost' bez grupp] Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)]
- Казаринова, Д. Б., Дунамяян, Н. А. (2022) 'Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции', *Политическая наука*, 1, сс. 52–79. [Kazarinova, D. B., Dunamalyan, N. (2022) 'Trajectories of development of post-soviet identities: approaches, models, trends' [Traektorii razvitiya postsovetskikh identichnostei: podkhody, modeli, tendentsii], *Political science (RU)*, 1, pp. 52–79. (In Russ.)] DOI: 10.31249/poln/2022.01.02

- Колосов, В. А., Тревиш, А. И. (1996) 'Этнические ареалы современной России: сравнительный анализ риска национальных конфликтов', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 47–55. [Kolosov V. A., Treivish A. I. (1996) 'Ethnic areas of modern Russia: comparative analysis of the risk of national conflicts' [Etnicheskie arealy sovremennoi Rossii: sravnitel'nyi analiz riska natsional'nykh konfliktov], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 47–55. (In Russ.)]
- Малинова, О. Ю. (2015) 'Концепт «другого» в исследованиях идентичности: анализ современных дискуссий', *Политическая наука*, 4, сс.154-169. [Malinova, O.Yu. (2015) 'The concept of "other" in identity studies: analysis of contemporary discussions' [Kontsept «drugogo» v issledovaniyakh identichnosti: analiz sovremennykh diskussii], *Political science (RU)*, 4, pp. 154–169. (In Russ.)]
- Маркова, Г. Е., Пименова, В.В. (1994) *Этнология*. Москва: Наука. [Markova, G.E., Pimenova V.V. (1994) *Ethnology* [Etnologiya]. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Мелешкина, Е. Ю., Кудряшова, И. В. (2022) 'После империй: можно ли перековать мечи на орала?', *Политическая наука*, 1, сс. 14–51. [Meleshkina, E.Yu., Kudryashova, I.V. (2022) 'After empires: beating swords into ploughshares' [Posle imperii: mozhno li perekovat' mechi na orala?], *Political science (RU)*, 1, pp. 14–51. (In Russ.)] DOI: 10.31249/poln/2022.01.01
- Пантин, В. И. (2017) *Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного многообразия: модели, подходы, практики*. Москва: ИМЭМО РАН. [Pantin, V.I. (2017) *Regulating Interethnic Conflicts and Building Civic Concord in a World of Cultural Diversity: Models, Approaches, and Practices* [Regulirovanie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiya v usloviyakh kul'turnogo mnogoobraziya: modeli, podkhody, praktiki] Moscow: IMEMO. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0512-3
- Садовая, Е., Бардин, А., Довбыш, Е. (2016) 'Индексы социального самочувствия как инструмент исследования и прогнозирования этнополитических конфликтов', *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (9), сс. 57–66. [Sadovaya, E., Bardin, A., Dovbysh, E. (2016) 'Indices of social well-being as a tool for studying and forecasting ethno-political conflicts' [Indeksy sotsial'nogo samochuvstviya kak instrument issledovaniya i prognozirovaniya etnopoliticheskikh konfliktov], *World Economy and International Relations*, 60 (9), pp. 57–66. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-57-66
- Тишков, В. А., Шабает, Ю. П. (2019) *Этнопология: Политические функции этничности*. Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Московского университета. [Tishkov, V.A., Shabaev, Yu.P. (2019) *Ethnopolitical science: Political functions of ethnicity*. Textbook for universities. 3rd ed., rev. and additional [Etnopolitologiya: Politicheskie funktsii etnichnosti. Uchebnik dlya vuzov. 3-e izd., ispr. i dop.] Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)]
- Хобсбаум, Э. (1998) *Нации и национализм после 1780 года*. Санкт-Петербург: Алетейя. [Hobsbawm, E. (1998) *Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality* [Natsii i natsionalizm posle 1780 goda]. Saint Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)]
- Bochsler, D., Green, E., Jenne, E., Mylonas, H., Wimmer, A. (2021) 'Quantitative Measurement of Ethnic and National Identity', *Nations and Nationalism*, 27 (1), pp. 22–40. DOI: 10.1111/nana.12688
- Fenton, S. (1999) *Ethnicity: Racism, Class, and Culture*. London: Palgrave. DOI 10.1007/978-1-349-27560-1
- Horowitz, D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.
- Kaufmann, E., Haklai, O. (2008) 'Dominant Ethnicity: From Minority to Majority', *Nations and Nationalism*, 14 (4), pp. 743–767. DOI: 10.1111/j.1469-8129.2008.00362.
- Motyl, A. (2001) *Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires*. New York: Columbia University Press.
- Weber, A., Hiers, W., Flesken, A. (2016) *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 0.1057/9781137349453

Статья поступила в редакцию: 29.11.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

SPATIAL CORRELATION IN THE DISTRIBUTION OF MULTI-ETHNIC AND CONFLICT ZONES WITHIN THE POST-SOVIET REGION

I. Okunev, A. Lubimova, E. Iakusheva

Igor Okunev, Candidate of Sc. (Polit. Sc.), Director of Center for Spatial Analysis in International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

E-mail: iokunev@mgimo.ru (ORCID: 0000-0003-3292-9829. Researcher ID: E-4038-2012).

Anastasia Lubimova, trainee of Center for Spatial Analysis in International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

E-mail: a.luibimova@inno.mgimo.ru (ORCID: 0009-0009-5858-4161. Researcher ID: GOK-2129-2022).

Ekaterina Iakusheva, trainee of Center for Spatial Analysis in International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

E-mail: e.iakusheva@inno.mgimo.ru (ORCID: 0009-0003-2907-0301. Researcher ID: JQJ-2262-2023).

Abstract

The thesis that there is a direct correlation between ethnic composition and the frequency of conflicts on the territory in question has become widespread in ethno-political studies. The post-Soviet space is marked by a complex ethnic structure and high conflict potential. To test the hypothesis, we built a number of correlation models with the following variables: the mathematical sum of conflicts for the period from 1992-2020, based on data from the Heidelberg Institute “Conflict Barometer” project; second level administrative-territorial division units (aimed to correctly calculate the neighborhood effect - at the scale of the entire region and individual countries in turn); percentage of the dominant ethnic group according to the population census. A regression model allows us to come closer to answering the question of whether ethnicity is a determinant of the emergence of conflicts in the post-Soviet space and whether the neighborhood effect at different territorial levels is significant for this phenomenon. While interpreting the results, we cannot conclude that there is a statistically significant correlation coefficient. Changing the range of observations we revealed a higher level of dependence between variables, namely in the constituent entities of the Russian Federation with an average level of conflicts when considering the entire region of Central Asia. Thus, the relationship between ethnic contact and conflict potential, expressed here by the correlation coefficient, is nonlinear.

Keywords: post-Soviet space; ethnic identity; ethnic groups; ethnicity; ethnopolitics; conflict potential.